

© В.В. Яковлев
Тюмень

ЗНАМЕНА В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ «ИСТОРИЯХ» И МЕТОДЫ РЕКОНСТРУКЦИИ ИХ ЗНАЧЕНИЙ

Несмотря на кажущееся многообразие методик работы с историческими сочинениями средневековья, исследователи так до сих пор и не решили, как им относятся к знаменам, в большом количестве представленным особенно в варварских хрониках, наподобие «Истории франков» Григория Турского и «Истории лангобардов» Павла Диакона. Точнее же, практика игнорирования знамен превратила эти сочинения в компендиумы этнической и социальной истории, отодвинув на задний план их информативность в сфере культурологической и где-то даже историко-философской проблематики. Между тем, изучение знамен требует признания за ними важных смыслообразующих функций, значимых для понимания особенностей социальной психологии и поведения человека средневековой эпохи.

Безусловно, историк устанавливает какие-то, вероятно, и существенные характеристики знамен, когда фиксирует в них свойства жанровых клише [1]. Однако превалирование данного подхода над всеми другими недопустимо вследствие некорректности всяких попыток поставить процесс создания раннесредневековых хроник в непосредственную зависимость от неких абстрактных, ограничивавших творчество моделей хронографии. Тем не менее, для понимания места предзнаменований в текстах Григория Турского и Павла Диакона, оказываются недостаточными и ссылки на символичность мышления средневековых людей. С одной стороны, символика знамен (если допустить, что она имеется) должна была бы усложнять и без того смыслово иерархизированное повествование «Историй», учитывая сориентированность обоих авторов на стереотипы христианского летоисчисления и видения целей исторического процесса, к тому же достаточно ещё спорную применительно к Павлу Диакону. А с другой, трудно согласиться с методологической уникальностью символической составляющей предзнаменований, которая при ранжировании, действительно, занимает более низкое положение, чем символические вставки средневековых аллегорий [2]. Думается, что проблема произвольности или ритмизованной прудумшенности использования

названными историками сюжетов со знаменами, должна уступить лидирующие позиции выяснению аксиологических и со-бытийных значений предзнаменований. Иными словами, нужно отказаться от принципиальной «понятности» знамен и решиться выделить для них самостоятельную сферу смыслообразования, особым, ещё неизвестно каким образом, пересекающуюся с привычным фоном смыслового продуцирования, то есть с позитивным изложением и пересказыванием. С этой точки зрения и концепция соотносимости предзнаменований со своеобразным, чаще всего видимым, воплощением «предчувствуемых» событий, опять же, почти всегда, бедствий и несчастий, страдает известной ущербностью [3].

Впрочем, если стремиться исходить из того смысла состояния предчувствия, которое предусматривает ожидание мистического единения с «судьбой», «провидением» и т.п., то знамена превращаются в «текстовые знаки» (и, собственно, тексты) [4] с уникальной по строению информативной структурой. Таким образом, получает подтверждение и смысловая обособленность предзнаменований, а, главное, открывается возможность делать более или менее мотивированные шаги в сторону точнейшего оперирования значениями уже непосредственно самих знаков-текстов, точнее, метатекстов. Поэтому оперировать механикой «перекодировочного» [5] процесса при выполнении последней процедуры оказывается не просто удобнее, но и правильнее, из расчёта, во-первых, сохранения максимального единства, всё-таки, теоретически отторгнутых друг от друга текстов-знамен и остального текста повествования и, во-вторых, нахождения оптимальных вариантов трактовки значений.

Применение метода перекодировки к построению смысловых рядов предзнаменований преодолевает во многом искусственную единообразность фабулы культурного метатекста самих «Историй», приводящую, обычно, к сближению знамен только с варварскими, языческими легендами и преданиями [6]. Текст рассматриваемых произведений тем и замечателен, что скрытые информативные поля в нём, под которыми целесообразно подразумевать и искомый смысл знамен, идентифицируются гораздо раньше и без помощи парадигмальных рядов символов или знаков, уже только с градацией перекодировки значений предзнаменований на семантический и прагматический виды [7]. Первый отличается признанием исконным значением знамени авторскую формулировку его смысла, то есть авторский денотат или означаемое, сливающиеся здесь воедино. Второй, более сложный, призван, буквально, сотворять смысл знамени, ориентируясь на событийную и телеологическую канву анализируемых «Историй». Без подобного «сотворения» значения, предзнаменования, к которым напрямую пытаются использовать якобы расшифровывающие их знаковые, а тем более символические интерпретанты, никогда не превратятся в

повествовательный текст, в идеале свободный от отягощающей его метатекстовой информативности. Иными словами, конечная цель изучения значений знамений лежит в плоскости нахождения таких оптимальных описаний, когда деструктивирующая значимость реализуется в некую «предельную» значимость, не скрывающую за собой ничего иного, кроме как исполненного смыслом (благодаря разгаданной аксиологии предзнаменований) рассказа об Истории.

Библиографический список

1. Савукова В.Д. "История франков" как исторический памятник // Григорий Турский. История франков. М., 1987. С. 332.
2. Карсавин Л.П. Основы средневековой религиозности в XII-XIII веках преимущественно в Италии. Пг., 1915. С. 46.
3. Маюева И.И. Знамение в судьбе для человека в Древней Руси // Понятие судьбы в контексте разных культур / Научный совет по истории мировой культуры. М., 1-е полугодие 1994. С. 181.
4. Васильев С.А. Синтез смысла при создании и понимании текста: Философские проблемы. Киев, 1988. С. 102.
5. О перекодировке см.: Лотман Ю.М. О проблеме значений во вторичных моделирующих системах // Учёные записки Тартуского гос. ун-та. Вып. 181. Труды по знаковым системам. II. Тарту, 1965. С. 22–23.
6. Дворецкая И.А. Павел Варнефрид как историк и этнограф (К вопросу о влиянии поздеримской культуры на мировоззрение писателя) // Античный мир и археология. Межвуз. науч. сб. Вып. 4. Саратов, 1979. С. 56–57.
7. Обоснование семантического и прагматического уровней перекодировки см.: [5, С. 35].

© Д.А. Черниенко
Ижевск

МИФ ОБ АТТИЛЕ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ НАРРАТИВНОЙ ТРАДИЦИИ

Об историческом Аттиле (410? - 453) – короле европейских гуннов известно не так много. В 434 г. он наследовал власть своего отца и дядей вместе с братом, которого убил спустя одиннадцать лет, став единовластным правителем, «королем всей Скифии». Совершил ряд опустошительных набегов на Византию, Галлию и Северную Италию, умер при загадочных обстоятельствах. При нем гуннский военно-племенной союз превратился в могущественную и обширную «державу-империю», объединившую народы различного происхождения, ставшую альтернативой Римской империи. Его слава среди варварского мира и ужас античной цивилизации способствовали появлению легендарного ореола и превращению монарха в символическую фигуру «Божьего Бича»,

угрожающего всему христианскому миру. Его имя и литературный образ сохранились в эпосе и преданиях по всей Европе. Роль и место гуннов, а также самого Аттилы («восточного Александра») в период «первого Великого нашествия Востока на Запад» до сих пор вызывают множество вопросов.

Событийная история его жизни может быть реконструирована по данным письменных источников. Но личностные, психологические характеристики остаются не вполне ясными. Помимо исторического («реального»), существует ещё Аттила «виртуальный» (мифологический, символический), чей образ оставил глубокий след в европейской культуре и коллективной памяти, нашел выражение в широком круге литературных памятников разных национальных традиций. Этот образ будет мозаичным, размытым, зависимым от политических и идеологических установок, специфики той или иной историографической школы.

Корпус средневековых письменных источников позволяет прибегнуть к систематизации и представить его в виде, как минимум, трех самостоятельных групп по территориально-хронологическому принципу.

1. Раннесредневековая традиция: Приск Панийский («Византийская история», V в.), Иордан («О происхождении и деянии гетов», VI в.), Агафий («О правлении Юстиниана», VI в.), Григорий Турский («История франков»), Прокопий Кесарийский («История войн римлян с вандалами», VI в.), Павел Диакон («История лангобардов», VII в.), а также жития святых, легенды, хроники и др. Большинство христианских авторов соединяли в своем творчестве предшествующий опыт античной историографии и биографии (герой с легким налетом мифологии и этнографичность повествования - стремление увидеть за человеком жизнь его народа) и собственную индивидуальность.

Случайно ли Аттила оказался в рамках этого синкретического творчества? Во-первых, Аттилу можно было бы проигнорировать, как основную массу варварских вождей, если бы не христианское представление о Биче Божьем из наследия Августина, который писал, впрочем, об Аларихе - короле гетов, грабивших Италию на 50 лет раньше. К моменту появления Аттилы на исторической арене идея Божьего наказания через варварское нашествие уже приобрела популярность, и король гуннов своей персоной и деяниями как нельзя лучше олицетворял этот эпитет. В его образе утверждалась, находила иллюстрацию христианская теория судьбы, предопределения и воздаяния.

Во-вторых, с помощью образа гуннов и Аттилы старинный антагонизм между античной цивилизацией и варварским миром в христианской среде трансформировался в апокалиптический конфликт. Внезапное появление нового народа требовало идеологического обеспечения, объяснения и оправдания: почему, за что? Так появились и закрепились в литературе библейские мотивы о Гоге и Магоге - двух диких